

18+

А. Невская

Голоса на месте преступления

А. Невская

Голоса на месте преступления

«Издательские решения»

Невская А.

Голоса на месте преступления / А. Невская — «Издательские решения»,

В особняке галериста Виктора Сабурова раздаётся выстрел. Хозяин мёртв. Шестеро подозреваемых — у каждого мотив, и ни у кого нет алиби. Следователь Корешков привык, что люди лгут. Но он ещё не знает, что главные свидетели в этом деле — не люди. Эта книга — эксперимент: здесь говорят те, кто обычно молчит. И только читатель решает, кому верить. Убийца среди страниц — и он пока не знает, что за ним наблюдают.

© Невская А.

© Издательские решения

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	6
ЭПИГРАФ	7
От автора	8
Пролог	9
Действующие лица	10
Глава 1. Шаги без обуви	11
Глава 2. Отражение человека в синем	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Голоса на месте преступления

А. Невская

© А. Невская, 2026

ISBN 978-5-0070-4472-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вещам, которые помнят. Людям, которые слушают.

ЭПИГРАФ

«В комнате, где совершено преступление, всегда есть свидетель. Просто мы не умеем его допрашивать.»

От автора

Эта книга — эксперимент.

Обычно на месте преступления ищут отпечатки пальцев, волокна, ДНК. А теперь представьте: можно допросить сам ковёр. Можно спросить у зеркала, кого оно отражало за минуту до выстрела. Можно выслушать пулю, которая знает убийцу в лицо.

Я даю голос тем, кто всегда молчит. Вещам.

Но у каждого из них — своя правда. Свои провалы в памяти. Своя оптика. Они не лгут, но они видят лишь фрагмент. А целую картину должен собрать тот, кто читает.

Это эксперимент. И вы — его главный участник.

Убийца здесь. И он ещё не знает, что за ним наблюдают.

Пролог

Я помню эту ночь. Я помню каждую ночь, но эту — особенно. Она началась с дождя. Мелкого, противного, он царапал стёкла, будто просился внутрь. Я не пускал. У меня нет привычки впускать кого попало.

Гости собирались с семи. Сначала — молодой художник, бледный, с дрожащими пальцами. Он всегда приезжал первым. Затем — женщина в чёрном. Она сняла туфли у порога и прошла босиком по ковру. Потом — человек в синем костюме. Его отражение мелькнуло в зеркале над камином и исчезло на лестнице. Шофёр вошёл последним, проверил замки, запер дверь. Щелчок. Ещё щелчок.

Жена хозяина была уже внутри — из её спальни наверху пахло жасмином. Сам хозяин сидел в гостиной у камина с неизменным виски. Часы на его запястье тикали ровно.

В 23:14 хлопнула входная дверь. Я знаю каждый свой звук — это был не сквозняк.

В 23:17 раздался выстрел.

Зеркало вздрогнуло и ослепло на секунду. Часы остановились. Пуля нашла цель. А я — я остался стоять. С дырой в тишине, которая вдруг стала абсолютной.

Вы спросите: кто я?

Я — особняк. Мои стены видели всё, но я не умею складывать показания в историю. Я лишь храню осколки. Говорить будут они — те, кто внутри меня. Те, кого люди считают мёртвыми.

Ковёр. Зеркало. Нож. Часы. Пуля. Ручка. Письмо.

Семь свидетелей. Один убийца.

Слушайте.

Действующие лица

Виктор Аркадьевич Сабуров — жертва

58 лет. Владелец галереи «Сабуров и сыновья», хотя сыновей у него никогда не было. Сухощавый, подтянутый, с серебристыми висками. Носил очки в тонкой золотой оправе. Одевался дорого и неброско. Часы «Патек Филипп» — подарок отца — не снимал никогда.

Саркастичен, остроумен, в делах беспощаден. Пил виски в десять вечера. Всегда один. Терпеть не мог, когда трогали его вещи.

Женат на Елене Дмитриевне двадцать лет. Детей нет.

Елена Дмитриевна Сабурова — жена

47 лет. Бывшая балерина. Хрупкая, с серыми глазами и балетной выправкой. Движения плавные. Голос негромкий.

Духи с жасмином — её визитная карточка. Дома ходит босиком.

Замужем за Виктором с 27 лет. До этого танцевала в Мариинском.

Даниил Романович Штерн — арт-дилер, деловой партнёр

52 года. Правая рука Сабурова. Полноватый, лысоватый, обаятельный. Носит исключительно синее — говорит, на удачу. Улыбается широко, почти не снимая улыбки. В галерее ведёт дела с покупателями.

Марк Вадимович Горский — художник

24 года. Протеже Сабурова. Высокий, худой. Вечно испачканные краской руки. Пальцы заметно дрожат. Глаза зелёные.

Два года назад подписал контракт с галереей. С тех пор все его работы принадлежат Сабурову.

Алиса Германовна Кром — арт-критик

41 год. Пишет рецензии для крупных изданий. Резкие черты лица, короткая стрижка, всегда в чёрном. Голос низкий, прокуренный.

Бывшая возлюбленная Сабурова. Расстались пятнадцать лет назад. С тех пор не пропускает ни одной его выставки.

Матвей Ильич Коростылёв — шофёр и охранник

36 лет. Бывший военный. Служит у Сабурова десять лет. Широкоплечий, молчаливый. Лицо маловыразительное. Двигается бесшумно.

Живёт в особняке. Отвечает за машину и безопасность.

Глава 1. Шаги без обуви

Говорят, у стен есть уши. Глупость. Уши есть у ковра. Сто сорок лет я слушаю шаги. Это единственное, что у меня есть, — и этого достаточно. Шаги не врут. Походка рассказывает о человеке больше, чем исповедь.

Я лежу в гостиной особняка Сабуровых. Подо мной — дубовый паркет, надо мной — лепные ангелы. Ангелы смотрят вниз и молчат. Я тоже молчу. Но я запоминаю.

Меня ткали в Исфахане. Четыре женщины, восемь месяцев, полтора миллиона узлов. Каждый узел — слово. Из этих слов сложился узор: гранатовые деревья, лотосы, павлиний глаз. Я был поэмой, которую никто не прочтёт, — по мне ходят. Такова судьба ковра. Висеть на стене — почётно, но холодно. Лежать под ногами — унинительно, но тепло. Я выбрал тепло. Я и сейчас чувствую его — тепло ушедшего дня, тепло тел, тепло остывающего камина.

Я расскажу вам про ту ночь. Вернее, про то, что я почувствовал. Я не вижу лиц. Я не слышу слов. Но я чувствую шаги. А шаги — это правда. Единственная правда, которая остаётся, когда всё остальное — ложь.

В тот вечер первым пришёл художник. Марк. Он вошёл в 19:12. Я узнаю его по походке — лёгкой, нервной, с постоянными остановками. Он ходит так, будто пол под ним горячий. Шаг — остановка — полшага назад — снова шаг. Человек, который не знает, куда ему идти, даже когда знает маршрут.

В тот вечер он был особенно взвинчен. Я почувствовал это сразу. Его шаги были быстрее обычного, дыхание — чаще. Он пересёк меня по диагонали, остановился у камина, постоял, переступил с ноги на ногу, отошёл к окну, вернулся, сел в кресло. Кресло скрипнуло. Через минуту он встал. Снова подошёл к окну. Снова к камину. Я насчитал двадцать три шага за четыре минуты. Двадцать три. И каждый — с дрожью.

О чём он думал? Я не знаю. Но я знаю, как ходит человек, который боится, и как ходит человек, который ненавидит. В тот вечер Марк ходил как человек, который делает выбор. И выбор этот ему не нравился.

В 19:40 прибыла гостья. Алиса. Я не видел её раньше — она не из тех, кто бывает в этом доме часто. Она вошла в холл, и первое, что я услышал, — стук каблуков по деревянному полу. Резкий, чёткий, как удары молоточка. Но у порога гостиной она остановилась. И сбросила туфли.

Я не видел этого. Я почувствовал. Два глухих удара — туфли упали на паркет. А потом она ступила на меня босиком.

Это было неожиданно. Гости обычно не разуваются. Хозяева — тем более. Обувь для них — часть брони. Каблук добавляет роста, подошва добавляет веса, кожа скрывает уязвимость. Босая ступня честнее. Она не лжёт.

Алиса прошла по мне, и я запомнил её шаги сразу. Лёгкие, почти невесомые. Она весила меньше, чем можно было предположить по её резкому голосу и острым плечам. Её ступни были холодными — я почувствовал это отчётливо, хотя в доме топили. Холодными, как у человека, который долго стоял на ветру. Или как у человека, в котором остыла кровь.

Она прошла к окну. Остановилась. Стояла долго — я чувствовал давление её пяток, ровное, неподвижное. Она смотрела на дождь. Потом повернулась, прошла к камину. Остановилась. Снова к окну. Она ходила кругами. Шаг — пауза — шаг — пауза. Человек ходит кругами, когда не знает, куда ему деться. Или когда ждёт.

Я слышал, как в камине потрескивали дрова. Я слышал, как дождь царапал стёкла. Я слышал дыхание Алисы — ровное, глубокое. Она успокаивала себя. Или готовилась к чему-то.

В 20:05 явился человек в синем. Даниил Штерн. Его шаги я знаю лучше, чем хотелось бы, — он бывает в этом доме часто, слишком часто. Он всегда спешит, всегда пересекает меня

по диагонали, всегда направляется к лестнице. Так было и в тот раз. Восемь широких шагов — и он уже на первой ступеньке. Но на полпути остановился.

Это было странно. Обычно он взлетал наверх, не задерживаясь. А тут замер. Я слышал, как скрипнула ступенька под его весом. Тишина. Десять секунд. Может, больше. Он стоял на лестнице и не двигался. О чём-то думал. Или кого-то услышал. Или просто смотрел в темноту второго этажа. Потом пошёл дальше — уже медленнее.

В 20:20 вошёл шофёр. Матвей. Я всегда узнаю его шаги первыми — они самые тихие. Большой человек, широкоплечий, а ходит как кот. Он пересёк меня, направляясь на кухню. Я почувствовал: правая нога ступает тяжелее левой. Он хромотал? Или что-то нёс? Может, просто устал. Но раньше я такого не замечал.

Хозяин уже был в гостиной. Виктор Аркадьевич сидел в кресле у камина. Я чувствовал, как ножки кресла вдавливаются в меня глубже обычного. Он нервничал. Правая нога отбивала ритм: тук-тук-тук. Каблук впивался в мой ворс. Мне было больно, но я терпел. Я всегда терплю.

Он пил виски. Я знал это по звуку — лёгкий звон стакана, пауза, снова звон. Лёд таял, стакан пустел. Он налил ещё. Потом ещё. Его шаги становились тяжелее с каждым тостом. Виски всегда утяжелял его походку. Делал её шаркающей, небрежной. В трезвом состоянии он ходил чётко, как строевой офицер. В пьяном — как грузчик, который тащит невидимый мешок.

Жена хозяина, Елена, так и не спустилась. Я не почувствовал её шагов за весь вечер. Она была наверху, в своей спальне. Я знал это только по запаху. Жасмин. Её духи просачивались сквозь перекрытия, как вода сквозь камни. Тонкий, настойчивый аромат. Он наполнял дом постепенно, слой за слоем, как наползает туман. К десяти вечера жасмином пахло уже во всех комнатах. Даже каминный дым не мог его перебить.

В 22:40 хозяин встал с кресла. Прошёлся до окна. Остановился. Я чувствовал, как он стоит — тяжело, перенеся вес на пятки. Долго смотрел в темноту за окном. Потом налил ещё виски. Вернулся в кресло. Тук-тук-тук.

В 23:10 Марк снова вошёл в гостиную. Я удивился: он был босиком. Художник никогда не снимал обувь в этом доме. Он вообще, кажется, стеснялся своих ног — вечно прятал их в тяжёлые ботинки. А тут — босиком. Его ступни были горячими. Почти обжигали. Так бывает, когда человек долго сидит, зажавшись, и кровь приливает к ногам. Или, когда его трясёт от ярости.

Он подошёл к хозяину. Остановился в полуметре. Я чувствовал напряжение между ними, как чувствуют статическое электричество перед грозой. Воздух стал плотным, колючим. Марк что-то сказал. Я не слышу слов — я слышу вибрацию. Его голос дрожал. Дрожал сильно, срывался на высоких нотах. Так говорят, когда уже всё равно.

Хозяин ответил. Его голос был низким и ровным. Так гудит камень, когда его толкают с обрыва. Он сказал что-то короткое. Может, одно слово. Может, просто усмехнулся.

Марк развернулся и вышел. Его шаги были быстрыми, злыми. Он почти бежал. Я почувствовал, как он направляется на кухню.

В 23:14 хозяин встал с кресла. Подошёл к двери. Открыл. Кого-то впустил. Я не знаю кого — этот человек не ступил на меня. Он остался в холле, на деревянном полу. Я слышал только голоса. Два голоса. Хозяин и гость. Разговор был коротким. Секунд тридцать, не больше. Хозяин повысил голос — что с ним бывало редко. Гость ответил тихо. Хлопнула дверь. Гость ушёл.

В 23:15 — входная дверь. Я знаю этот звук. Тяжёлая дубовая дверь, скрип петель, глухой удар. Кто-то вышел из дома. Или кто-то вошёл и сразу вышел. Я не знаю. Но звук был коротким и резким, как точка в конце предложения.

В 23:16 хозяин вернулся в кресло. Его шаги были медленными, шаркающими. Он устал. Он сел. Тук-тук-тук.

В 23:17 — выстрел.

Я не слышу звуков. Но я чувствую вибрацию. Выстрел — это резкий толчок, который расходится по полу кругами, как камень по воде. Меня тряхнуло. Кресло надо мной вздрогнуло. Что-то упало — кажется, стакан. Я почувствовал, как по моему ворсу растекается жидкость. Виски. Тёплый виски.

А потом наступила тишина.

Тишина — это самое страшное, что может быть для ковра. Тишина — это когда никто не ходит. Когда никто не дышит. Когда даже камин перестаёт трещать, а дождь перестаёт царапать стёкла. Тишина — это когда мир замирает, чтобы осознать случившееся. Я лежал и ждал шагов. Кто-то должен был прибежать на звук. Должен был.

Но шагов не было.

Минуту.

Две.

Три.

Дом замер. Даже жасмин, казалось, перестал пахнуть. Даже дым перестал подниматься к потолку. Я чувствовал только, как остывает виски на моём ворсе. И как остывает тело в кресле надо мной.

Первые шаги я почувствовал только в 23:20. Три минуты. Почему никто не шёл три минуты? Куда все смотрели? Чего ждали?

Шаги были тихими, крадущимися. Матвей. Шофёр. Он вошёл в гостиную, остановился на пороге, постоял. Я чувствовал его вес — он перенёс его на правую ногу, потом на левую. Он смотрел на кресло. Потом развернулся и вышел. Быстро. Слишком быстро для человека, который только что увидел труп.

Потом — шаги сверху. Елена наконец спустилась. Она бежала. Её босые ноги застучали по лестнице — часто, сбивчиво. По холлу — быстро. И замерли на пороге гостиной. Она не вошла. Я ждал. Почему она не входит? Она стояла и смотрела. А потом вскрикнула. Я почувствовал вибрацию — высокую, рвущуюся, почти звериную. Так не кричат, когда находят чужого. Так кричат, когда находят своего.

Следом прибежал Марк. Из кухни. Он споткнулся обо что-то в холле — я услышал глухой удар коленей о паркет. Поднялся. Его руки коснулись меня — он опёрся о край ковра, чтобы встать. Пальцы дрожали. Сильно дрожали. Так дрожат, когда внутри что-то ломается.

Человек в синем спустился последним. Даниил. Он не бежал. Он спускался медленно, ступенька за ступенькой. Я слышал каждую. Скрип. Пауза. Скрип. Пауза. Он остановился в дверях гостиной, не заходя внутрь. Я чувствовал его вес на границе между паркетом и моим краем. Он балансировал. Входить или не входить?

Алиса так и не спустилась. Я не почувствовал её шагов до самого утра. Где она была? Что она делала? Почему не вышла на звук выстрела? Или выстрела она не слышала? Или слышала что-то другое?

Вот и всё, что я знаю. Шаги. Тепло. Вес. Вибрация. Я не видел лиц. Я не слышал слов. Но я чувствовал страх. И я чувствовал ярость. Ярость пахнет иначе, чем страх. Она горячее. Она оставляет следы глубже. В ту ночь ярость была в этом доме. Она ходила по мне босыми ногами. И имя ей пока не названо.

Но я помню кое-что ещё.

В 23:14 — за минуту до того, как хозяин встал с кресла, — кто-то прошёл по холлу босиком. Я не мог ошибиться. Это были женские шаги. Лёгкие, почти невесомые. И они пахли жасмином.

Но Елена была наверху. Она не спускалась. Я не чувствовал её шагов до самого крика.

Так кто же это был?

Глава 2. Отражение человека в синем

У стен есть уши. У ковра — память. А у меня — глаза. Хотя нет, не так. У меня — стекло и амальгама. Я не вижу в темноте. Я не вижу сквозь стены. Я вижу только то, что оказывается передо мной. Но то, что оказывается передо мной, я запоминаю навсегда.

Я — зеркало.

Мне около ста лет. Меня сделали в Венеции, на острове Мурано. Мастер, выдувавший стекло, был глух. Он не слышал собственного дыхания, но чувствовал форму, как никто другой. Он вдохнул в меня жизнь и отправил в мир — отражать. Я висел в палатце, в бальных залах, в спальнях, в коридорах. Я отражал любовников и воров, старых дев и молодых карьеристов. Я видел поцелуи и пощёчины. Я видел смерть. Трижды. Виктор Сабуров — четвёртый.

Я вишу над камином в гостиной. Это хорошее место. Отсюда видна почти вся комната: кресло хозяина, край ковра, дверь в холл, начало лестницы. Мой угол обзора — сорок пять градусов. Я не вижу того, что происходит в дальнем конце гостиной, за книжным шкафом. Не вижу кухни. Не вижу верхнего этажа. Но лестница — моя. Каждый, кто поднимается или спускается, проходит сквозь моё стекло.

Я люблю лестницу. Люди на лестнице не позируют. Они не поправляют волосы, не втягивают живот. Они просто идут — усталые, злые, задумчивые. На лестнице человек настоящий. И я это ценю.

В тот вечер я был в настроении наблюдать. Дождь за окном рисовал на стёклах косые линии, камин бросал на стены оранжевые блики. Отражения множились, двоились, плыли. Идеальная погода для зеркала — когда свет непостоянен и правда легко ускользает.

Первым я увидел художника. Марк Горский. Он вошёл в гостиную в 19:12. Я узнал его сразу — он всегда выглядит так, будто его застигли врасплох. Взъерошенные тёмные волосы, сутулые плечи, руки в карманах. Он остановился у камина, прямо подо мной. Я видел его макушку. Он не смотрелся в меня. Марк никогда не смотрится в зеркала. Он из тех людей, кто избегает собственного отражения, — я давно заметил эту породу. Им кажется, что если не видеть себя, то и другие не увидят.

Он стоял и смотрел в огонь. Я видел, как пламя пляшет в его зрачках, если он поднимал глаза. Он нервничал. Переступал с ноги на ногу. Один раз провёл ладонью по лицу — жест человека, который пытается стереть с себя тревогу. У него ничего не вышло. Тревога осталась.

Потом пришла женщина в чёрном. Алиса Кром. Я не знал её имени тогда, но запомнил сразу. Она вошла в холл — я увидел её через дверной проём. Чёткий силуэт, короткая стрижка, мокрые от дождя плечи. Она сбросила туфли. Странно. Очень странно. Гости не разуваются в чужом доме, если только не собираются остаться надолго. Или если не хотят, чтобы их слышали.

Она вошла в гостиную босиком. Я увидел её полностью. Чёрное платье, резкие ключицы, бледное лицо. Она не красилась — или красилась так искусно, что казалось, будто не красилась вовсе. Она подошла к окну. Я видел её профиль на фоне дождя. Она стояла и смотрела в темноту, скрестив руки на груди. Её губы были сжаты. Она о чём-то думала. О чём-то неприятном. Люди всегда выдают себя уголками губ, когда думают о неприятном, — губы чуть-чуть поджимаются, будто пробуют на вкус кислое.

Алиса прошла по комнате. Её отражение скользнуло по мне — и исчезло. Вернулось. Снова исчезло. Она ходила кругами. Я видел её трижды за пять минут. Каждый раз — одно и то же выражение лица. Собранное. Закрытое. Человек, который что-то решил и теперь ждёт подходящего момента.

В 20:05 я увидел того, кого ждал весь вечер. Даниил Штерн. Человек в синем.

Он вошёл в холл — и я сразу поймал его отражение. Синий костюм, синий галстук, синий платок в нагрудном кармане. Он был синим с головы до ног, как всегда. Говорят, это суеверие. Говорят, кто-то предсказал ему удачу в синем, и он носит только этот цвет. Не знаю. Я не верю в приметы. Я сам — примета. Меня разбивают к несчастью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.